

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

А. А. Миронова, А. Н. Татарко

Психологические причины коррупции: роль тревоги¹

МИРОНОВА Анна Алексеевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: amironova@hse.ru

Данное исследование посвящено ответу на два вопроса: (1) связан ли опыт переживания тревоги индивида с приемлемостью для него коррупции? (2) отличается ли данная взаимосвязь в странах с разным уровнем коррупции? Мы сосредоточились на анализе связи макро- и микротревог с приемлемостью для индивида коррупционного поведения. Исследование основано на данных Шестой волны Всемирного обзора ценностей (World Value Survey). Для анализа были отобраны три группы стран на основе индекса восприятия коррупции: страны с низким уровнем коррупции (Австралия, Нидерланды, Новая Зеландия, Сингапур, Швеция); страны со средним уровнем коррупции (Белоруссия, Китай, Южная Корея, Малайзия, Румыния); страны с высоким уровнем коррупции (Россия, Бразилия, Колумбия, Перу, Таиланд). Анализ проводился с использованием моделирования структурными уравнениями. Результаты исследования показали, что макро- и микротревоги имеют существенную взаимосвязь с приемлемостью коррупции. Согласно полученным результатам, чем больше человек беспокоится о себе или своей семье, тем больше он принимает коррупцию. Люди, которые беспокоятся об обществе в целом, с большей вероятностью не одобряют коррупцию. Однако значимость описанных взаимосвязей варьирует в зависимости от того, о какой группе стран идёт речь — с высокой, средней или низкой коррупцией. Для стран с низким уровнем коррупции значимой оказалась только связь между микротревогами и приемлемостью коррупции; для стран с высоким уровнем коррупции — только связь между макротревогами и приемлемостью коррупции; для стран со средним уровнем коррупции и для России приемлемость коррупции оказалась значимо связана как с микро-, так и с макротревогами.

Ключевые слова: приемлемость коррупции; страдание; тревоги микро- и макроуровня; индекс восприятия коррупции; межстрановой анализ; Всемирный обзор ценностей.

Введение

Коррупция является одной из наиболее актуальных проблем современности, затрагивает как развивающиеся, так и развитые страны мира. Международные организации позиционируют коррупцию как одну из основных проблем, препятствующих развитию стран во всём мире [Детье 2003]. Среди негативных последствий коррупции — обострение доходного нера-

¹ Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

ТАТАРКО Александр Николаевич — доктор психологических наук, главный научный сотрудник Центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: atatarko@hse.ru

венства в обществе, замедление роста ВВП, сокращение инвестиций в экономику страны, нерациональное распределение государственных средств, незащищённость прав собственности [Gupta, Davoodi, Alonso-Terme 2002; Méon, Sekkat 2005; Lambsdorff 2006a]. В связи с этим борьба с коррупцией выступает одной из важнейших и непростых задач современности, что обуславливает актуальность исследований коррупционного поведения.

Коррупция, имея различные формы, представляет собой сложный социальный феномен. Так, она может приобретать как форму сделки, так иметь и односторонний характер [Morris 2011]. Среди способов односторонней коррупции — мошенничество, незаконное обогащение, хищение. В случае наличия договорённости между участниками такого рода деятельности коррупция проявляется в форме сделки. Если сделка подразумевает сетевой характер, то коррупция воплощается в лоббизме, блате, фаворитизме, nepotизме, реципрокности. В случае рыночной сделки коррупция приобретает формы взяточничества, откатов, вымогательства [Morris 2011]. Разнообразие коррупционного поведения свидетельствует о многогранности данного феномена.

В связи с этим довольно сложно сформулировать строгое определение того, что подразумевается под коррупцией. В научном дискурсе отсутствует единое и чёткое представление о том, что такое коррупция и каковы границы коррупционного поведения. Чаще всего коррупция определяется как злоупотребление служебным положением или властью в корыстных целях [Klaveren 1989; Park 2003; Svensson 2005; Lambsdorff 2006b]. Согласно Федеральному закону «О противодействии коррупции» (№ 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г.), «коррупция — это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [О противодействии коррупции... 2008: ст. 1, п. 1(а)].

Уровень коррупции в обществе определяется различными факторами — политическими, экономическими, институциональными и социокультурными. При этом факторы коррупции могут анализироваться как на социетальном уровне, так и на уровне отдельных индивидов. Исследования показывают, что на уровне общества распространённость коррупции определяется следующими факторами: размер государственного сектора в экономике и наличие экономических свобод [Montinola, Jackman 2002; Graeff, Mehlkop 2003], уровень доходного неравенства [Jong-Sung, Khagram 2005], качество нормативного регулирования [Treisman 2000; Gerring, Thacker 2005; Svensson 2005], наличие конкуренции в экономике [Ades, Di Tella 1999; Sung, Chu 2003; Gerring, Thacker 2005], культурные традиции и ценностные установки [Davis, Ruhe 2003; Mansilla 2003; Park 2003; Welzel, Inglehart, Klingemann 2003; Bosco 2016; Kravtsova, Oshchepkov, Welzel 2017].

На индивидуальном уровне на вовлечённость в коррупцию влияют уровень образования и дохода, пол, возраст, брачный статус [Gupta, Davoodi, Alonso-Terme 2002; Heyneman 2004; Torgler, Valev 2006; 2010; Mosap 2008]. Проведённые исследования показали, что женщины осуждают коррупционное поведение больше, чем мужчины. С ростом уровня образования индивида его склонность к одобрению коррупционного поведения сокращается. Принадлежность к высшему экономическому классу способствует негативному восприятию коррупции. Люди, состоящие в браке, с большим неодобрением относятся к коррупции, чем люди с иным брачным статусом. Возраст индивида оказывает устойчивое влияние на одобрение коррупционного поведения. Чем старше становится индивид, тем реже он оправдывает коррупцию [Torgler, Valev 2006].

Значительная часть существующих исследований рассматривает коррупцию как особый вид социального явления. Однако коррупции как некоей части поведенческой системы индивида до сих пор уделялось недостаточно внимания.

Выбор индивида в пользу участия в коррупционной деятельности может быть связан с различными факторами — моральными принципами, значимостью предполагаемой выгоды, давлением со стороны общества. При этом участники коррупционной деятельности далеко не всегда являются нечестными людьми, одобряющими коррупцию. Другими словами, выбор индивида в пользу коррупции в данной конкретной ситуации не всегда означает, что человек в целом толерантно или, более того, позитивно относится к коррупции. Его поведение может быть обусловлено обстоятельствами, снижающими моральные издержки нечестного поведения и позволяющими действовать неэтично; при этом индивид может продолжать воспринимать себя как честного человека. Это объясняется тем, что иногда влияние ситуационных факторов перевешивает моральные принципы и ценностные установки [Milgram 1963; Zimbardo 1969]. В качестве такого ситуативного фактора способно выступать страдание.

Взаимосвязь между нечестным поведением и страданием является глубоко укоренённой во многих культурных и религиозных практиках. Например, в христианстве [Сабиров 2001] и мусульманстве [Хасянов 2009] идея религиозного поста сводится к тому, что через страдания, обеспечиваемые путём лишений и ограничений, человек достигает духовного очищения от своих грехов, то есть страдание искупляет неэтичное с религиозной точки зрения поведение.

Взаимосвязь между страданием и неэтичным поведением подтверждается и психологическими исследованиями. Согласно имеющимся данным, люди, которые испытывали чувство вины за своё аморальное поведение, были более склонны к тому, чтобы подвергать себя страданиям, в том числе физическим [Bastian, Jetten, Fasoli 2011; Inbar et al. 2013]. Причинение себе боли в данном случае может быть механизмом, нейтрализующим чувство вины, вызванное неэтичным поведением [Nelissen, Zeelenberg 2009].

Таким образом, можно говорить о том, что влияние неэтичного поведения на страдание находит своё подтверждение в исследованиях. Но обнаруживается ли обратное влияние страдания на склонность к аморальному поведению?

Существующие исследования показывают, что состояние социальной или душевной боли способно увеличивать склонность человека к нечестному поведению [Poon, Chen, De Wall 2013]. Механизм этой связи может быть сведён к следующему: значительная часть людей разделяет мнение, что человек получает в жизни то, что заслуживает [Lerner 1980; Furnham 2003]. Испытывая страдания, люди склонны расценивать их как несправедливость по отношению к себе. Чтобы компенсировать несправедливость, человек решает позволить себе большее, оправдывая свою лояльность к нечестному поведению. Таким образом, люди более склонны к нечестному поведению, если воспринимают ситуацию как несправед-

ливаю по отношению к себе. В этом случае неэтичное поведение является способом восстановления справедливости и, следовательно, воспринимается оправданным в сложившейся ситуации [Kouchaki, Desai 2015]. Например, у пациентов, страдающих хронической болью, обостряется чувство несправедливости. В связи с этим они пытаются восстановить справедливость, расширяя для себя границы дозволенного [Sullivan, Scott, Trost 2012; McParland, Eccleston 2013].

Несмотря на то что страдание и боль обычно рассматриваются как исключительно негативные явления, некоторые исследования показывают, что состояние страдания имеет и положительные стороны [Leknes, Bastian 2014]. Например, отсутствие способности чувствовать физическую боль выступает серьёзной проблемой. Люди, с такой врождённой неспособностью сталкиваются с многочисленными угрозами. В случае ожога такой человек не получает сигнала о том, что необходимо прекратить контакт с источником травмы и продолжает взаимодействовать с ним. Таким образом, физическая боль — важный предупредительный сигнал для организма [Leknes, Bastian 2014]. Аналогичные функции несёт социальная боль. Проявляемая в виде страданий, она играет роль сигнала о необходимости менять сложившуюся ситуацию. Кроме этого, страдание используется людьми в качестве возможности для демонстрации своих добродетелей — выносливости, терпеливости, самообладания [Bastian et al. 2014].

Страдание и приемлемость коррупции: гипотезы исследования

Связи между страданием и коррупцией на индивидуальном уровне посвящено ограниченное число исследований. Коррупционная деятельность имеет потенциально негативные последствия для участников коррупционной сделки, среди которых репутационные издержки, публичное осуждение, штрафы, в некоторых случаях — тюремное заключение [Zahra, Priem, Rasheed 2005]. В связи с наступлением подобных последствий коррупционеры могут испытывать страдания. На примере случаев коррупции в академической среде было показано, что студенты-спортсмены чаще всего испытывают страдания из-за трёх основных последствий разоблачения коррупционной деятельности: (1) негативное отношение окружающих; (2) санкции и (3) чувство потери, связанное с репутационными или финансовыми издержками [Kihl, Richardson, Campisi 2008]. Также обсуждалась связь между страданием пациентов и коррупцией в сфере здравоохранения. Было отмечено, что в условиях коррумпированности системы здравоохранения шансы получения качественного лечения и облегчения страданий больных людей часто определяются тем, будет ли пациент включаться в коррупционную деятельность [Chattopadhyay 2013].

Среди отечественных работ нам не встречались исследования, которые фокусируются именно на связи между страданием и коррупцией. В то же время вскользь данная проблематика затрагивается при рассмотрении феномена коррупции. Так, было установлено, что среди различных социальных категорий населения наибольшие моральные страдания, обусловленные коррупцией, испытывают интеллигенты и предприниматели [Жигун 2019]. В контексте анализа коррупции в сфере здравоохранения отмечалось, что человеческое страдание является ценой коррупции в сфере здравоохранения [Терешонок 2016].

Наше исследование посвящено анализу взаимосвязи между страданием индивида, измеренным на уровне тревог, и его толерантностью к нечестному поведению, в частности к коррупции.

В рамках данного анализа толерантность индивида к коррупции оценивается на основе показателя приемлемости коррупции, которая представляет собой совокупность позитивных индивидуальных установок по отношению к коррупции как средству достижения целей путём подкупа государственных должностных лиц [Tatarko et al. 2020].

В качестве индикатора страдания мы рассматриваем тревоги индивида, разделяемые на макро- и микротревоги. Для начала рассмотрим феномен тревоги и его связь со страданием, а также проанализируем особенности макро- и микротревог; затем обоснуем их связь с приемлемостью коррупции.

Несмотря на то что изучению состояния тревоги посвящено немало научных работ, однозначное толкование данного термина в научном дискурсе отсутствует. Тревогу, как правило, связывают с ситуацией неопределённости. Так, согласно Д. А. Леонтьеву, тревога представляет собой «своего рода эмоциональный аккомпанемент неустранимой неопределённости будущего» [Леонтьев 2003]. Помимо ситуации неопределённости, важным атрибутом тревожности выступает ощущение беспомощности. З. Фрейд отмечает, что тревога является первичной реакцией человека на состояние беспомощности [Фрейд 2006: 308]. В то же время тревога как ситуативное переживание бывает связана с изменением политического строя, с экономическими или социальными преобразованиями в обществе, которые для индивида могут означать материальную нестабильность и угрозу безопасности [Кононов 2016]. В данном исследовании под тревогой мы будем понимать состояние индивида, при котором он, находясь в ситуации неопределённости, обеспокоен возможностью наступления негативных событий в различных сферах жизни — здоровье, безопасность, окружающая среда, личные взаимоотношения и т. д. Причём эти негативные события могут касаться как самого индивида, так и его ближайшего окружения, страны и мира в целом.

Состояние тревоги связано с переживанием страдания. Согласно одному из определений страдание представляет собой сильную эмоциональную реакцию, вызванную чем-то, что угрожает самости или целостности человека в отношении его физического, эмоционального или душевного состояния [Hickman, Tilden, Tolle 2004: 21]. С одной стороны, переживание страдания в высшей степени субъективно и лично [Starck, McGovern 1992]. С другой стороны, человеческое страдание имеет биологические корни, поэтому является универсальным переживанием для всех людей [Breggin 2014]. Тревога как негативно окрашенное эмоциональное переживание способна выступать причиной страдания индивида. Исследования свидетельствуют о том, что тревоги наряду с физической болью и другими неприятными симптомами рассматриваются как фактор, вызывающий страдание [Charman, Gavrin 1993; 1999]. Даже у людей, испытывающих проблемы со здоровьем, страдание может быть обусловлено не столько объективным состоянием, сколько субъективным восприятием и интерпретацией ощущаемых симптомов. В частности, люди в некоторых случаях страдают даже от незначительного физического дискомфорта, если интерпретируют своё состояние как проявление опасного прогрессирующего заболевания [Kahn, Steeves 1986]. Таким образом, тревога может не только усугублять страдания, вызванные объективными обстоятельствами (например, физической болью), но и быть самостоятельной причиной страдания.

Основываясь на классификации тревог, предложенной К. Бёнке с коллегами [Boehnke et al. 1998], в общей совокупности тревог мы выделяем микро- и макротревоги в зависимости от того, кто или что является объектом, вызывающим обеспокоенность индивида. Микротревоги — это тревоги, касающиеся непосредственно самого индивида или его ближайшего окружения (семьи, друзей, знакомых), то есть в случае микротревог объектом беспокойства выступает сам индивид или те, с кем он тесно связан. Макротревоги — это тревоги об обществе, о стране, о мире в целом. В этом случае объектом беспокойства являются сущности, внешние по отношению к индивиду. В то же время необходимо отметить, что разделение на макро- и микротревоги является условным. Например, макротревоги, связанные с опасением по поводу вступления страны в войну, могут быть расценены как беспокойство о личной безопасности и безопасности своего ближайшего окружения, что позволяет отнести это беспокойство к микротревогам. Однако для простоты анализа в данном исследовании будем придерживаться разделения на тревоги макро- и микроуровня.

Микротревоги отрицательно связаны с удовлетворённостью жизнью и общим психическим здоровьем. Данная зависимость представляет собой сложную многонаправленную связь. С одной стороны, микротревоги сами могут выступать в качестве причины плохого психологического состояния [Boehnke et al. 1998]. Чем больше человек тревожится относительно различных проблем, касающихся непосредственно его самого или его близких, тем хуже он адаптируется к сложившимся обстоятельствам и тем выше негативные эффекты для его психологического самочувствия [Brown et al. 1993; Molina, Borkovec 1994; Tallis, Davey, Bond 1994]. С другой стороны, микротревоги в некоторых случаях являются следствием плохого психического здоровья. Например, депрессивные люди острее ощущают озабоченность различными проблемами [Boehnke et al. 1998]. Таким образом, микротревоги зачастую связаны с наличием психологических проблем. Значит, имея микротревоги, человек испытывает определённого рода страдание. Страдание, в свою очередь, как было показано ранее, повышает вероятность аморального поведения. Следовательно, допустимо предположить, что микротревоги положительно связаны с приемлемостью коррупции.

Гипотеза 1 (H 1). Микротревоги положительно связаны с приемлемостью коррупции.

Что касается макротревог, то исследования показывают, что беспокойство о проблемах, внешних по отношению к индивиду и его близкому окружению, положительно связано с субъективным благополучием индивида и свидетельствует о его хорошем психологическом самочувствии [Doctor, Goldenring, Powell 1987; Griffin, Prior 1990; Boehnke et al. 1994]. Это объясняется тем, что люди, находящиеся в плохом психологическом состоянии, как правило, погружены в решение своих личных проблем, в связи с чем у них не остаётся энергии на внимание к проблемам макроуровня. Напротив, те люди, которые не испытывают психологических проблем, имеют больше психологических ресурсов для обращения к внешнему миру и в большей степени озабочены его проблемами [Hamilton et al. 1989]. Исходя из этого, мы можем предположить, что человек, испытывающий макротревоги, будет склонен меньше одобрять коррупцию. Другими словами, макротревоги будут отрицательно коррелировать с приемлемостью коррупции.

Гипотеза 2 (H 2). Макротревоги отрицательно связаны с приемлемостью коррупции.

Методика исследования

Исследование основано на данных шестой волны Всемирного обзора ценностей за 2011 г. (World Value Survey). Страны были сгруппированы на основе индекса восприятия коррупции, который отражает уровень восприятия коррупции в государственном секторе различных стран [Россия в Индексе восприятия коррупции...], а также с учётом наличия и качества данных по анализируемым переменным. Для анализа были отобраны три группы стран — с низким уровнем коррупции (Австралия, Нидерланды, Новая Зеландия, Сингапур, Швеция), со средним уровнем коррупции (Белоруссия, Китай, Южная Корея, Малайзия, Румыния), с высоким уровнем коррупции (Россия, Бразилия, Колумбия, Перу, Таиланд). Выборка включает 23 144 индивида; из них 7398 — респонденты из стран с низким уровнем коррупции, 7838 — респонденты из стран со средним уровнем коррупции, 7908 — респонденты из стран с высоким уровнем коррупции. Подробные характеристики выборки представлены в таблице 1.

Таблица 1

Характеристики выборки исследования

Страна	N	Доля (%)		Возраст (среднее значение и стандартное отклонение)
		Мужчины	Женщины	
Страны с низким уровнем коррупции, в том числе:	7398	45,3	54,7	49,2 (17,8)
Австралия	1477	44,2	55,8	53,9 (16,8)
Нидерланды	1902	46,5	53,5	53,3 (16,4)
Новая Зеландия	841	42,3	57,7	51,4 (16,9)
Сингапур	1972	45,1	54,9	41,9 (16,6)
Швеция	1206	47,2	52,8	47,4 (19,4)
Страны со средним уровнем коррупции, в том числе:	7838	47,4	52,6	44,1 (15,9)
Белоруссия	1535	44,7	55,3	44,4 (17,1)
Китай	2300	49,0	51,0	43,9 (15,0)
Южная Корея	1200	49,3	50,7	43,2 (14,9)
Малайзия	1300	51,4	48,6	40,0 (14,0)
Румыния	1503	42,8	57,2	48,4 (17,2)
Страны с высоким уровнем коррупции, в том числе:	7908	46,2	53,8	43,2 (16,3)
Россия	2500	44,6	55,4	46,1 (17,4)
Бразилия	1486	37,6	62,4	42,8 (16,4)
Колумбия	1512	49,6	50,4	40,4 (15,8)
Перу	1210	50,2	49,8	39,4 (16,4)
Таиланд	1200	52,3	47,7	45,2 (12,3)
Итого	23 144	46,3	53,7	45,4 (16,9)

В качестве зависимой переменной использовался следующий вопрос: «Насколько, по Вашему мнению, то, о чём говорится, заслуживает оправдания: “Получение взятки, используя служебное положение”» (1 — никогда не оправдано... 10 — всегда оправдано). В качестве основных факторов, влияющих на индивидуальную приемлемость коррупции, выступают тревоги микро- и макроуровня.

Микротривоги оценивались на основе следующих утверждений: «В какой степени Вас беспокоит...»

- «...вероятность потерять работу или не найти работу»;
- «...невозможность дать детям хорошее образование»;
- «...то, что правительство прослушивает телефоны, читает почту и электронные письма».

Макротривоги оценивались на основе таких утверждений, как: «В какой степени Вас беспокоит...»

- «...война в Вашей стране»;
- «...атаки террористов»;
- «...гражданская война».

Каждая из ситуаций, отражающих тревоги индивидов, оценивалась респондентами на основе 4-балльной шкалы, где 1 — совершенно не беспокоит, 4 — очень беспокоит.

Надёжность полученных шкал макро- и микротревог проверялась на основе коэффициента внутренней согласованности альфа Кронбаха: «микротревоги» $\alpha = 0,730$ (3 пункта), «макротревоги» $\alpha = 0,931$ (3 пункта). Данные коэффициенты свидетельствуют о согласованности шкал.

Среди контрольных переменных использованы социально-демографические характеристики респондентов: пол, возраст, уровень образования. Анализ взаимосвязи между микро- и макротревогами и приемлемостью коррупции производился с использованием моделирования структурными уравнениями (*structural equation modeling*).

На первом этапе исследования анализируемые переменные (приемлемость коррупции, микро- и макротревоги) были «очищены» от влияния социально-демографических факторов (пол, возраст, уровень образования) с помощью регрессионного анализа.

На втором этапе проводилось моделирование структурными уравнениями для оценки зависимости одобрения коррупции от микро- и макротревог. Обработка данных проводилась с помощью пакета статистических программ SPSS 20.0 и AMOS 20.0.

Результаты исследования

В таблице 2 представлены описательные статистики анализируемых переменных по трём группам стран. Все различия оказались статистически значимыми на уровне $p < 0,001$.

Таблица 2

Средние значения анализируемых переменных

Переменная	Среднее значение		Стандартное отклонение	
	(группа стран с низким, средним и высоким уровнем коррупции)		(группа стран с низким, средним и высоким уровнем коррупции)	
Индекс восприятия коррупции*	9,09		0,24	
	3,75		0,91	
	3,15		0,54	
Приемлемость коррупции	1,79		1,68	
	1,95		1,80	
	1,80		1,63	
Микротревоги				
Вероятность потерять работу или не найти работу	2,22		1,08	
	2,99		1,02	
	3,02		1,09	
Невозможность дать детям хорошее образование	2,15		1,12	
	3,05		0,97	
	3,13		1,03	
То, что правительство прослушивает телефоны, читает почту и электронные письма	1,86		0,96	
	2,62		1,08	
	2,46		1,17	
Макротревоги				
Война в Вашей стране	1,94		1,00	
	2,88		1,00	
	3,02		1,10	
Атаки террористов	2,10		0,97	
	2,86		1,03	
	3,12		0,98	
Гражданская война	1,70		0,97	
	2,81		1,05	
	2,87		1,04	

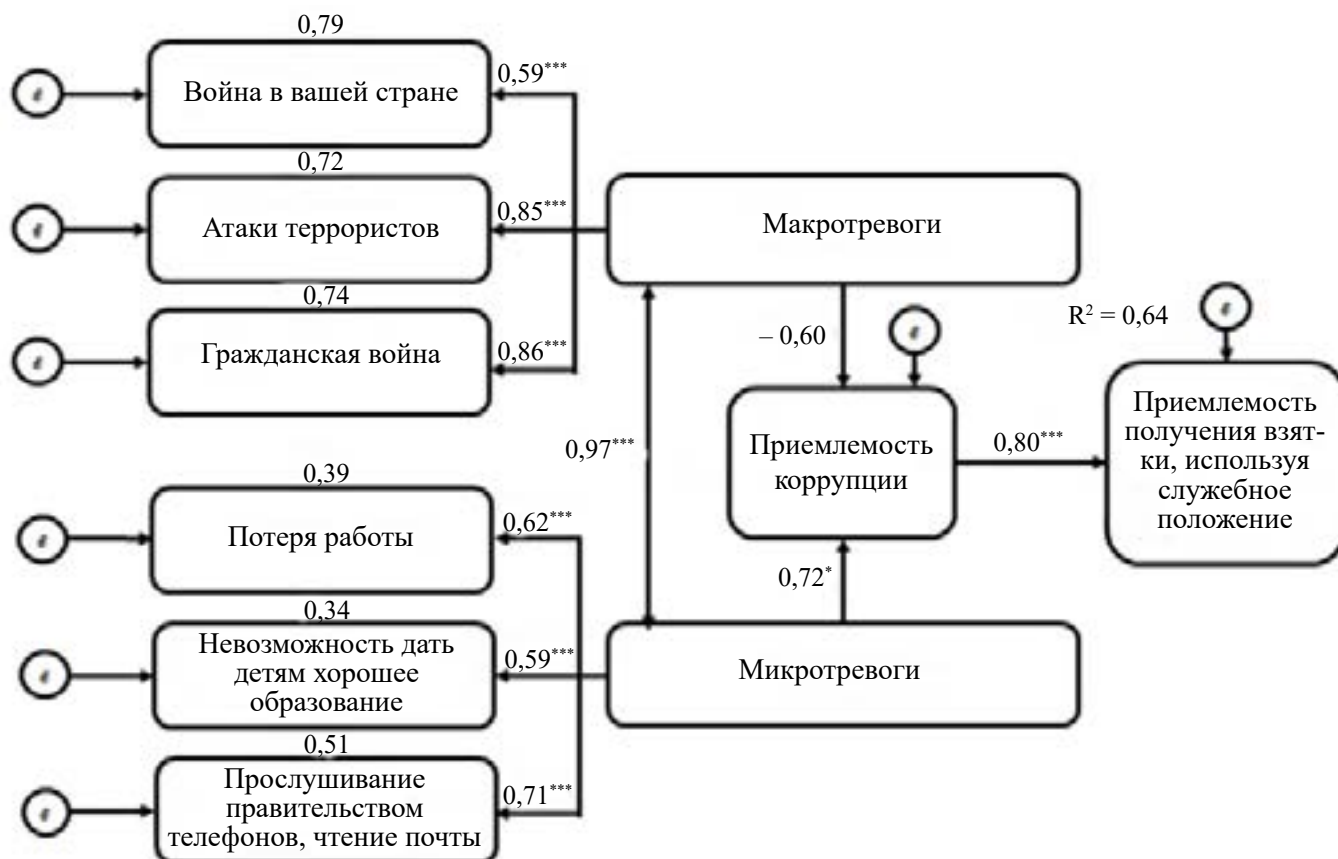
* Индекс восприятия коррупции варьирует от 0 (самый высокий уровень коррупции) до 10 (самый низкий уровень коррупции).

Как видно из таблицы 2, наибольший уровень приемлемости коррупции наблюдается не в странах с высоким индексом её восприятия, как можно было бы ожидать, а в странах со средним уровнем индекса воспринимаемой коррупции. Наибольшую озабоченность тревогами макро- и микроуровня в основном демонстрируют респонденты из стран с высоким уровнем индекса восприятия коррупции. Исключение составляет тревога, связанная с тем, что правительство прослушивает телефоны, читает почту и электронные письма; по этому поводу больше беспокоятся в странах со средним уровнем коррупции. В целом можно сказать, что чем выше уровень коррупции, тем сильнее выраженность тревог.

Проведя анализ взаимосвязи между микро- и макротревогами и приемлемостью коррупции, мы получили следующие результаты: страдание, измеренное на основе тревог, имеет значимую взаимосвязь с приемлемостью коррупции. Показатели качества полученной модели являются приемлемыми и свидетельствуют о статистической достоверности полученных результатов. При этом результаты разнятся в зависимости от того, о какой группе стран идёт речь.

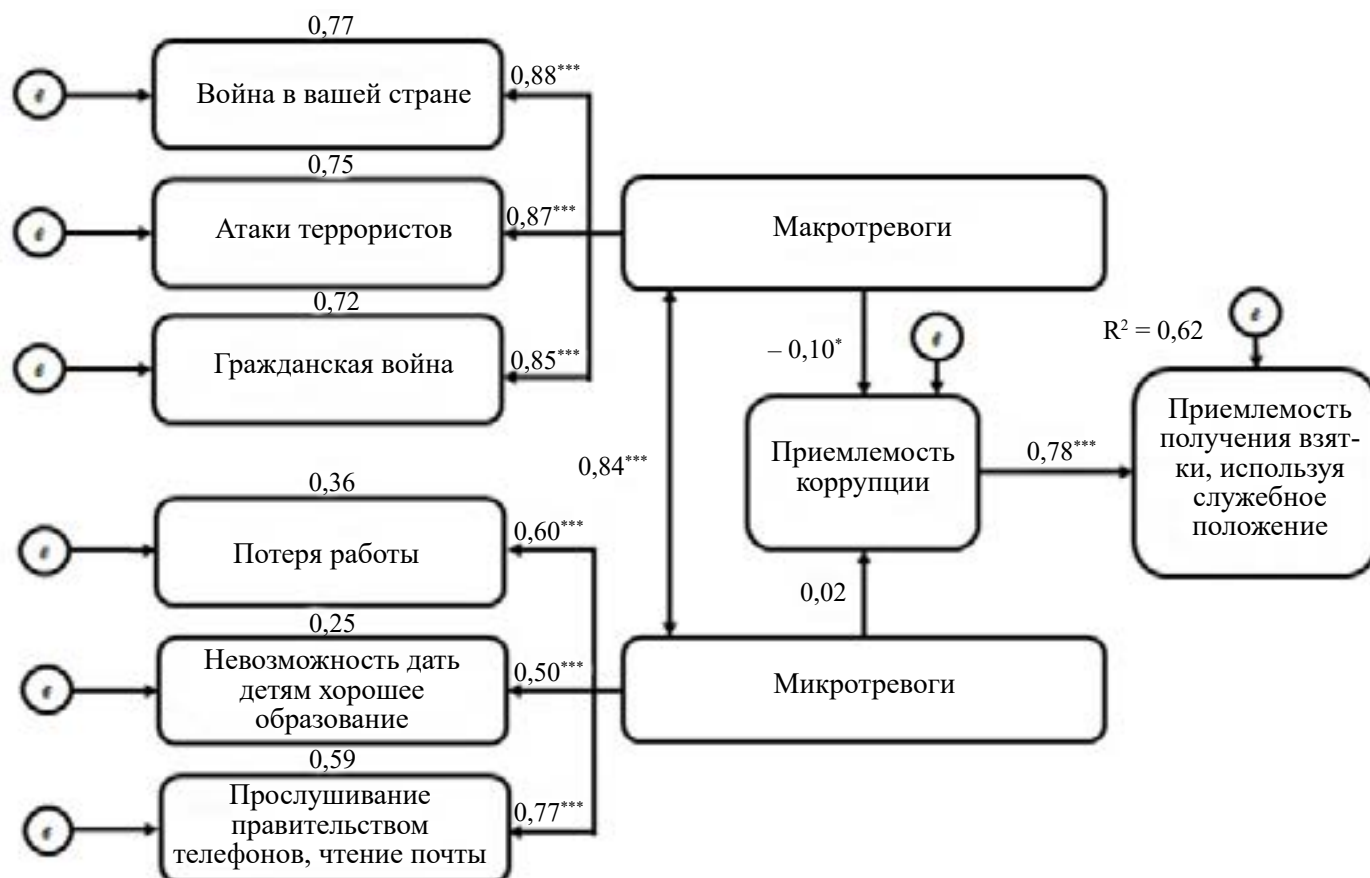
В странах с низким уровнем коррупции (Австралия, Нидерланды, Новая Зеландия, Сингапур, Швеция) значимой оказалась только связь между микротревогами и приемлемостью коррупции. Связь макротревог и приемлемости коррупции оказалась статистически незначимой (см. рис. 1).

Примечание: CFI = 0,97; RMSEA = 0,045; PCLOSE = 1; *p < 0,05; ** p < 0,01, ***p < 0,001; $\chi^2 / df = 54$.

Рис. 1. Взаимосвязь между микро- и макротревогами и приемлемостью коррупции в странах с низким уровнем коррупции

В странах с высоким уровнем коррупции (Россия, Бразилия, Колумбия, Перу, Таиланд), напротив, незначимой оказалась связь между микротревогами и приемлемостью коррупцией, а макротревоги продемонстрировали значимую взаимосвязь с приемлемостью коррупции (см. рис. 2).

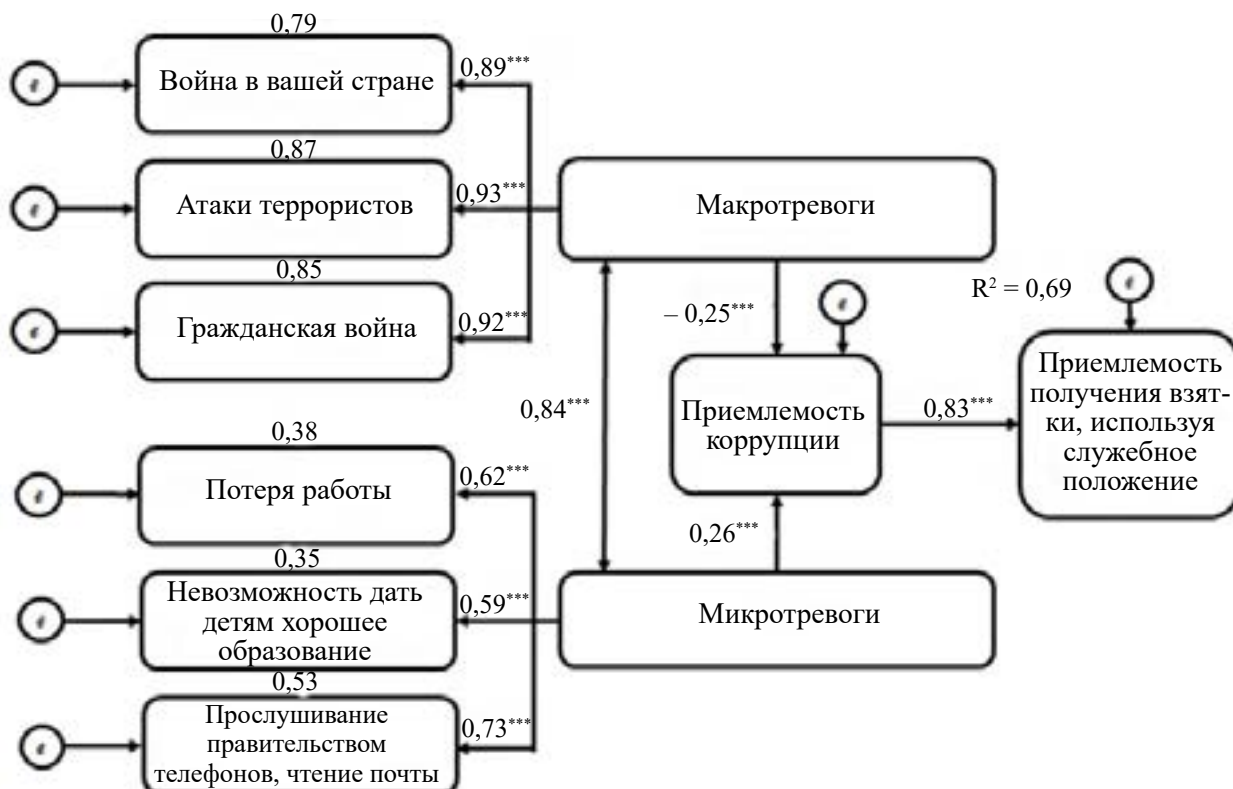
Примечание: $CFI = 0,97$; $RMSEA = 0,045$; $PCLOSE = 1$; $*p < 0,05$; $**p < 0,01$, $***p < 0,001$; $\chi^2 / df = 54$.

Рис. 2. Взаимосвязь между микро- и макротревогами и приемлемостью коррупции в странах с высоким уровнем коррупции

Наибольшая значимость связей между макро- и микротревогами и приемлемостью коррупции, предполагаемых моделью данного исследования, характерна для стран со средним уровнем коррупции (Белоруссия, Китай, Южная Корея, Малайзия, Румыния). В этой группе стран статистически значимая связь с приемлемостью коррупции обнаруживается как для микро-, так и для макротревог (см. рис. 3).

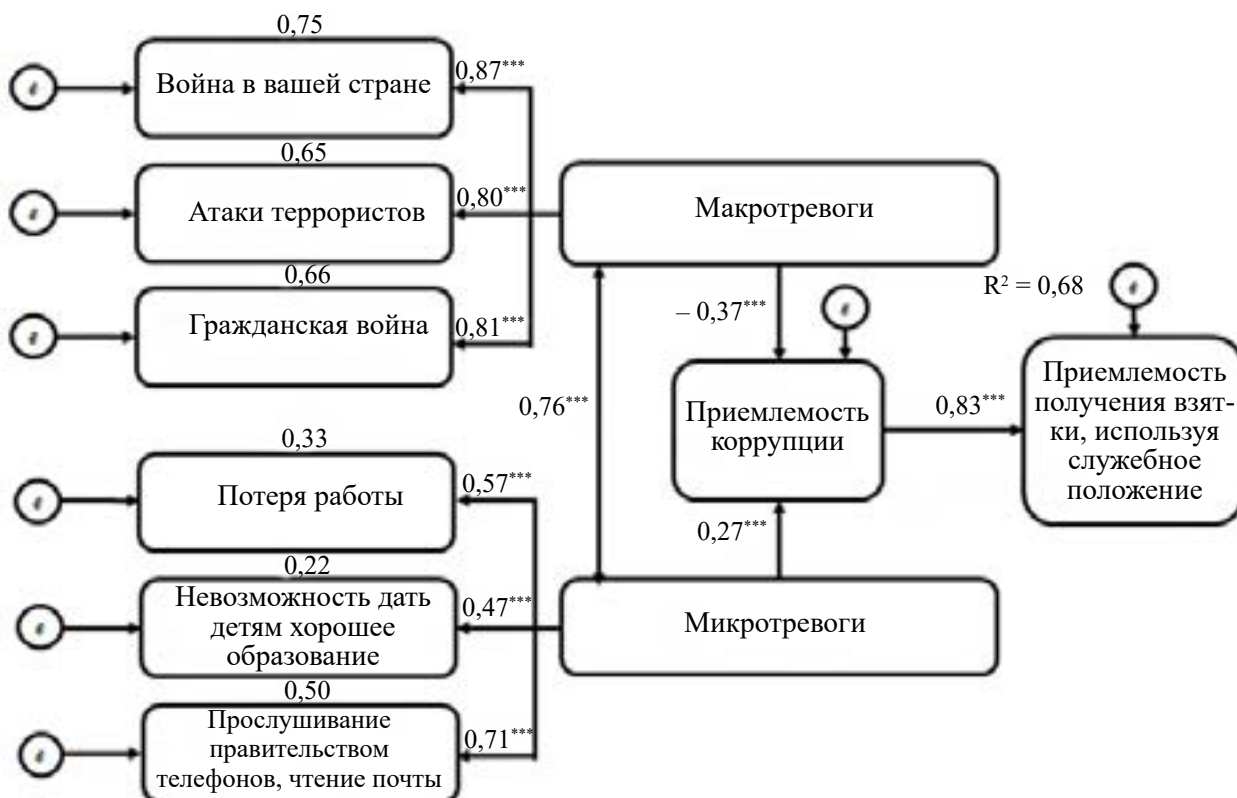
Общим для всех групп стран является направление связей между микро- и макротревогами и приемлемостью коррупции. Как и предполагалось, микротревоги положительно связаны с приемлемостью коррупции ($H 1$), а макротревоги — отрицательно ($H 2$). Таким образом, выдвинутые нами гипотезы получили частичное подтверждение и в отношении направления связей, и в отношении значимости этих связей.

Что касается России, то, несмотря на то что по уровню индекса воспринимаемой коррупции она относится к группе стран с высоким уровнем коррупции, результаты моделирования оказались более близкими к странам со средним уровнем индекса воспринимаемой коррупции (см. рис. 4).

Примечание: CFI = 0,97; RMSEA = 0,045; PCLOSE = 1; * p < 0,05; ** p < 0,01; ***p < 0,001; $\chi^2 / df = 54$.

Рис. 3. Взаимосвязь между микро- и макротревогами и приемлемостью коррупции в странах со средним уровнем коррупции

Примечание: CFI = 0,97; RMSEA = 0,045; PCLOSE = 1; * p < 0,05; ** p < 0,01; ***p < 0,001.

Рис. 4. Взаимосвязь между микро- и макротревогами и приемлемостью коррупции в России

Результаты исследования и их обсуждение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

- состояние, когда индивид испытывает макро- или микротревоги, имеет существенную связь с тем, насколько для него приемлема коррупция;
- обеспокоенность проблемами микроуровня (личные проблемы, проблемы своей семьи и близкого окружения) повышает склонность индивида более лояльно относиться к коррупции;
- макротревоги (обеспокоенность относительно проблем страны и общества в целом) порождают неодобрительное отношение к коррупции;
- для стран с низким уровнем коррупции значимость была обнаружена только для связи между микротревогами и приемлемостью коррупции; для стран с высоким уровнем коррупции — только для связи между макротревогами и приемлемостью коррупции; для стран со средним уровнем коррупции, а также для России приемлемость коррупции имеет значимую связь как с микро-, так и с макротревогами.

Таким образом, наряду с положительными аспектами, которые обсуждались ранее, страдание, измеренное на уровне тревог, имеет и «тёмную сторону». Как показало наше исследование, социальное страдание, измеренное через тревоги, повышает приемлемость такого вида нечестного поведения, как коррупция. При этом механизм взаимосвязи тревог с одобрением коррупции различается в зависимости от того, к какому уровню относятся тревоги индивида (микро- или макротревоги).

Когда речь идёт о тревогах микроуровня, то имеет место положительная связь с приемлемостью коррупции. Другими словами, чем больше человек беспокоится о себе или о своём непосредственном окружении (о семье, друзьях, знакомых), тем больше он склонен оправдывать коррупционное поведение. Например, в случае, когда человек остаётся безработным и не имеет возможности обеспечивать свою семью, он начинает более лояльно относиться к коррупции, возможно, рассматривая её как способ решения проблем. Таким образом, страдания, обусловленные тревогами о себе и своих близких, в некотором смысле оправдывают коррупцию как разновидность нечестного поведения.

Ситуация с макротревогами иная. Люди, которые беспокоятся о своей стране или об обществе в целом, с большей вероятностью не одобряют коррупционное поведение. Возможно, это связано с тем, что люди не чувствуют, что могут самостоятельно повлиять на ситуацию, вызывающую макротревогу (в отличие от микротревоги). Следовательно, коррупция в данном случае оценивается не как возможный способ решения проблем, а как абстрактное социальное явление, имеющее негативные последствия для общества. Кроме того, как отмечалось ранее, озабоченность проблемами макроуровня (мировыми проблемами, проблемами страны), как правило, присуща людям, которые не имеют значительных проблем на микроуровне. Таким образом, выраженная озабоченность проблемами макроуровня может косвенно свидетельствовать о благополучии индивида.

Описанные взаимосвязи между приемлемостью коррупции и тревогами не являются универсальными для всех стран. Это объясняется тем, что социальные нормы, основанные на культурных ценностях данного социума, усваиваются индивидом и оказывают значимое влияние на его лояльность к коррупционному поведению. В основе деятельности любого человека лежат его внутренние мотивы, обусловленные во многом степенью интернализации социальных норм, которые, в свою очередь, определяются культурными ценностями данного конкретного общества. Эмпирические исследования по-

казали, что склонность индивида к коррупционному поведению варьируется в зависимости от степени распространённости коррупции в стране проживания индивида [Barr, Serra 2010].

Оказалось, что в странах с высоким уровнем коррупции микротревоги не имеют статистически значимой взаимосвязи с приемлемостью коррупции, то есть как для тех, кто сильно озабочен проблемами микроуровня, так и для тех, кого они не сильно волнуют, приемлемость коррупции находится примерно на одном уровне. Это может быть связано с тем, что в этой группе стран сама коррупция является обыденным явлением. Как показывают исследования, люди, которые социализировались в странах с высоким уровнем коррупции, в целом более лояльно воспринимают коррупционное поведение, чем те, кто воспитывался в обществах, где коррупция представляет собой редкое явление [Barr, Serra 2010]. Например, в России, стране с высоким уровнем коррупции, одним из свойств массового сознания выступает терпимое отношение к коррупции как к повсеместному, неизбежному и неискоренимому процессу. В связи с этим акты коррупции не вызывают жёсткого осуждения со стороны членов общества. Кроме этого, в отношении к коррупции обнаруживается проявление системы двойных стандартов. Это выражается в том, что личная включённость в коррупционную деятельность или включённость родных и близких воспринимается как вынужденная реакция на сложившиеся обстоятельства. В то время как подобное поведение со стороны посторонних людей осуждается [Журавлев, Юревич 2012]. Таким образом, представители стран с высоким уровнем коррупции воспринимают её как часть обыденной жизни, и зачастую сами в ней участвуют.

Однако при этом в странах с высоким уровнем коррупции свою значимость продемонстрировала связь между макротревогами и коррупцией. Это может быть связано с тем, что именно в странах, где распространена коррупция, опасность внешних макроугроз (например, войны) воспринимается людьми наиболее остро. В этих условиях коррупция на уровне страны может расцениваться как явление, подрывающее государственную безопасность. В связи с этим макротревоги выступают значимым дифференцирующим фактором приемлемости коррупционного поведения.

В странах с низким уровнем коррупции акты коррупционной деятельности — редкость. Кроме этого, в данную группу, как правило, входят экономически благополучные страны. Как показывают исследования, по мере роста уровня благосостояния общества уровень коррупции в нём снижается [Фишер 2012]. Это может означать, что озабоченность макротревогами, рассматриваемыми в данном исследовании (террористические атаки и войны), несущественна. Исходя из этого связь макротревог с приемлемостью коррупции оказалась статистически незначимой. Однако при этом взаимосвязь микротревог и приемлемостью коррупции продемонстрировала свою значимость. Это может быть связано с тем, что в экономически благополучных странах, к которым чаще всего относятся страны с низким уровнем коррупции, широкое распространение имеют ценности постматериализма [Лига 2015]. Распространённость постматериалистических ценностей связана с усилением индивидуализма, что может объяснять значимость микротревог в модели для стран с низким уровнем коррупции [Kravtsova, Oshchepkov, Welzel 2017].

Ограничения исследования

Проведённое исследование имеет следующие ограничения:

- приемлемость для индивида коррупции оценивалась абстрактно безотносительно включённости его самого в коррупционную деятельность;
- полученная модель связи между макро- и микротревогами и приемлемостью коррупции не является инвариантной;

- разделение на макро- и микротревоги условно. Так, макротревоги, связанные с опасением по поводу вступления страны в войну, могут быть расценены как тревоги относительно личной безопасности и безопасности своего ближайшего окружения. В этом случае данный вид тревоги можно позиционировать как микротревогу;
- влияние индексов микро- и макротревог на приемлемость коррупции может быть опосредовано рядом институциональных, культурных и личностных факторов, которые не учтены в представленных моделях.

Литература

- Детье Ж. 2003. Коррупция в странах СНГ-7. *Всемирный банк*. URL: <http://web.worldbank.org/archive/website00504/WEB/PDF/DETHIE-8.PDF>
- Жигун Л. А. 2019. Социологический анализ коррупции. В сб.: Абрамов Р. А., Минашкин В. Г. (ред.) *Современные подходы к противодействию коррупции: тренды и перспективы*. М.: Изд. дом «Третьяковъ»; 123–127.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В. 2012. Коррупция в современной России: психологический аспект. *Знание. Понимание. Умение*. 2: 56–65.
- Кононов А. Н. 2016. Феномен тревоги о будущем как отдельное понятие в психологической науке. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*. 4 (38): 173–179.
- Леонтьев Д. А. 2003. Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться. *Московский психотерапевтический журнал*. 2: 107–119. URL: http://psylib.org.ua/books/_leond03.htm
- Лига М. Б. 2015. Качество жизни и постматериалистические ценности. *Ползуновский вестник*. 3: 222–229.
- О противодействии коррупции. 2008. *Федеральный закон*. 25 декабря (№ 273-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/
- Россия в Индексе восприятия коррупции-2019: 28 баллов и 137-е место. *Transparency International*. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2019-28-ballovo-i-137-mesto.html>
- Сабиров В. Ш. 2001. Проблема добра и зла в христианской этике. *Человек*. 5: 125–135.
- Терешонок Т. А. 2016. Коррупция в сфере здравоохранения. *Плехановский барометр*. 4: 21–24.
- Фишер Р. 2012. Прикладная кросс-культурная психология социальных изменений и развития общества: на примере исследования благополучия и коррупции. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 9 (2): 23–42.
- Фрейд З. 2006. Истерия и страх. В изд.: Фрейд З. *Собрание сочинений*: В 10 т. Т. 6. М.: Фирма СТД.

- Хасянов О. Р. 2009. Традиция празднования мусульманских праздников: вчера и сегодня (на материалах села Поповка). *Вестник Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии*. 2 (9): 102–104.
- Ades A., Di Tella R. 1999. Rents, Competition, and Corruption. *American Economic Review*. 89 (4): 982–993.
- Barr A., Serra D. 2010. Corruption and Culture: An Experimental Analysis. *Journal of Public Economics*. 94 (11–12): 862–869.
- Bastian B. et al. 2014. The Positive Consequences of Pain: A Biopsychosocial Approach. *Personality and Social Psychology Review*. 18 (3): 256–279.
- Bastian B., Jetten J., Fasoli F. 2011. Cleansing the Soul by Hurting the Flesh: The Guilt-Reducing Effect of Pain. *Psychological Science*. 22 (3): 334–335.
- Boehnke K. et al. 1998. The Structure and Dynamics of Worry: Theory, Measurement, and Cross-National Replications. *Journal of Personality*. 66 (5): 745–782.
- Bosco B. 2016. Old and New Factors Affecting Corruption in Europe: Evidence from Panel Data. *Economic Analysis and Policy*. 51: 66–85.
- Breggin P. R. 2014. *Guilt, Shame, and Anxiety: Understanding and Overcoming Negative Emotions*. New York: Prometheus Books.
- Brown T. A. et al. 1993. Diagnostic and Symptom Distinguishability of Generalized Anxiety Disorder and Obsessive-Compulsive Disorder. *Behavior Therapy*. 24 (2): 227–240.
- Chapman C. R., Gavrin J. 1993. Suffering and Its Relationship to Pain. *Journal of Palliative Care*. 9 (2): 5–13.
- Chapman C. R., Gavrin J. 1999. Suffering: The Contributions of Persistent Pain. *The Lancet*. 353 (9171): 2233–2237.
- Chattopadhyay S. 2013. Corruption in Healthcare and Medicine: Why Should Physicians and Bioethicists Care and What Should They Do. *Indian Journal of Medical Ethics*. 10 (3): 153–159.
- Davis J. H., Ruhe J. A. 2003. Perceptions of Country Corruption: Antecedents and Outcomes. *Journal of Business Ethics*. 43 (4): 275–288.
- Doctor R. M., Goldenring J. M., Powell A. 1987. Adolescents' Attitudes about Nuclear War. *Psychological Reports*. 60 (2): 599–614.
- Furnham A. 2003. Belief in a Just World: Research Progress over the Past Decade. *Personality and Individual Differences*. 34 (5): 795–817.
- Gerring J., Thacker S. C. 2005. Do Neoliberal Policies Deter Political Corruption? *International Organization*. 59 (1): 233–254.
- Graeff P., Mehlkop G. 2003. The Impact of Economic Freedom on Corruption: Different Patterns for Rich and Poor Countries. *European Journal of Political Economy*. 19 (3): 605–620.

- Griffin M., Prior M. 1990. Young People and the Nuclear Threat. *Journal of Youth Studies*. 7 (2): 40–43.
- Gupta S., Davoodi H., Alonso-Terme R. 2002. Does Corruption Affect Income Inequality and Poverty? *Economics of Governance*. 3 (1): 23–45.
- Hamilton S. B. et al. 1989. Relationships between the Life Values of US College Students and Their Cognitive/Affective Responses to the Threat of Nuclear War. *Journal of Adolescence*. 12 (1): 55–68.
- Heyneman S. P. 2004. Education and Corruption. *International Journal of Educational Development*. 24 (6): 637–648.
- Hickman S. E., Tilden V. P., Tolle S. W. 2004. Family Perceptions of Worry, Symptoms, and Suffering in the Dying. *Journal of Palliative Care*. 20 (1): 20–27.
- Inbar Y. et al. 2013. Moral Masochism: On the Connection Between Guilt and Self-Punishment. *Emotion*. 13 (1): 14–18.
- Jong-Sung Y., Khagram S. 2005. A Comparative Study of Inequality and Corruption. *American Sociological Review*. 70 (1): 136–157.
- Kahn D. L., Steeves R. H. 1986. The Experience of Suffering: Conceptual Clarification and Theoretical Definition. *Journal of Advanced Nursing*. 11 (6): 623–631.
- Kihl L. A., Richardson T., Campisi C. 2008. Toward a Grounded Theory of Student-Athlete Suffering and Dealing with Academic Corruption. *Journal of Sport Management*. 22 (3): 273–302.
- Klaveren J. van. 1989. The Concept of Corruption. In: Heidenheimer A. J., Johnston M., LeVine V. T. (eds). *Political Corruption: A Handbook*. New Brunswick: Transaction Publishers; 25–28.
- Kouchaki M., Desai S. D. 2015. Anxious, Threatened, and Also Unethical: How Anxiety Makes Individuals Feel Threatened and Commit Unethical Acts. *Journal of Applied Psychology*. 100 (2): 360–375.
- Kravtsova M., Oshchepkov A., Welzel C. 2017. Values and Corruption: Do Postmaterialists Justify Bribery? *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 48 (2): 225–242.
- Lambsdorff J. G. 2006a. Causes and Consequences of Corruption: What do We Know From a Cross-Section of Countries? In: Rose-Ackerman S. (ed.) *International Handbook on the Economics of Corruption*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, Inc.; 3–51.
- Lambsdorff J. G. 2006b. Measuring Corruption: The Validity and Precision of Subjective Indicators (CPI). In: Sampford Ch. et al. (eds) *Measuring Corruption*. Hampshire, UK: Ashgate Publishing Ltd; 81–100.
- Leknes S., Bastian B. 2014. The Benefits of Pain. *Review of Philosophy and Psychology*. 5 (1): 57–70.
- Lerner M. 1980. *The Belief in a Just World: A Fundamental Delusion*. New York, NY: Plenum.
- Mansilla H. 2003. The Traditional Mentality as an Obstacle to Democratization in Bolivia. *Psicología Política*. 26: 25–40.

- McParland J. L., Eccleston C. 2013. "It's Not Fair": Social Justice Appraisals in the Context of Chronic Pain. *Current Directions in Psychological Science*. 22 (6): 484–489.
- Méon P. G., Sekkat K. 2005. Does Corruption Grease or Sand the Wheels of Growth? *Public Choice*. 122 (1–2): 69–97.
- Milgram S. 1963. Behavioral study of obedience. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 67 (4): 371–378.
- Mocan N. 2008. What Determines Corruption? International Evidence from Microdata. *Economic Inquiry*. 46 (4): 493–510.
- Molina S., Borkovec T. D. 1994. The Penn State Worry Questionnaire: Psychometric properties and associated characteristics. In: Davey G. C. L., Tallis F. (eds). *Worry: Perspectives on Theory, Assessment, and Treatment*. Chichester, UK: Wiley; 265–283.
- Montinola G. R., Jackman R. W. 2002. Sources of Corruption: A Cross-Country Study. *British Journal of Political Science*. 32 (1): 147–170.
- Morris S. D. 2011. Forms of Corruption. *DICE Report*. 9 (2): 10–14.
- Nelissen R., Zeelenberg M. 2009. When Guilt Evokes Self-Punishment: Evidence for the Existence of a Dobby Effect. *Emotion*. 9 (1): 118–122.
- Park H. 2003. Determinants of Corruption: A Cross-National Analysis. *Multinational Business Review*. 11 (2): 29–48.
- Poon K.-T., Chen Z., De Wall C. N. 2013. Feeling Entitled to More: Ostracism Increases Dishonest Behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 39 (9): 1227–1239.
- Stark P. L., McGovern J. P. 1992. The Meaning of Suffering. In: Stark P. L., McGovern J. P. (eds) *The Hidden Dimension of Illness: Human Suffering*. New York: National League for Nursing Press; 25–42.
- Sullivan M. J. L., Scott W., Trost Z. 2012. Perceived Injustice: A Risk Factor for Problematic Pain Outcomes. *Clinical Journal of Pain*. 28 (6): 484–488.
- Sung H. E., Chu D. 2003. Does Participation in the Global Economy Reduce Political Corruption? An Empirical Inquiry. *International Journal of Comparative Criminology*. 3 (2): 94–118.
- Svensson J. 2005. Eight Questions about Corruption. *Journal of Economic Perspectives*. 19 (3): 19–42.
- Tallis F., Davey G. C. L., Bond A. 1994. The Worry Domains Questionnaire. In: Davey G. C. L., F. Tallis (eds) *Worry: Perspectives on Theory, Assessment, and Treatment*. Chichester, UK: Wiley; 285–297.
- Tatarko A. N. et al. 2020. The Relationship Between Human Values and Acceptability of Corruption in Russia and Greece. *Psychology in Russia. State of the Art*. 13 (3): 79–95.
- Torgler B., Valev N. T. 2006. Corruption and Age. *Journal of Bioeconomics*. 8 (2): 133–145.

- Torgler B., Valev N. 2010. Gender and Public Attitude toward Corruption and Tax Evasion. *Contemporary Economic Policy*. 28 (4): 554–568.
- Treisman D. 2000. The Causes of Corruption: A Cross-National Study. *Journal of Public Economics*. 76 (3): 399–457.
- Welzel C., Inglehart R., Klingemann H. 2003. The Theory of Human Development: A Crosscultural Analysis. *European Journal of Political Research*. 42 (3): 341–379.
- Zahra S. A., Priem R. L., Rasheed A. A. 2005. The Antecedents and Consequences of Top Management Fraud. *Journal of Management*. 31 (6): 803–828.
- Zimbardo P. G. 1969. The Human Choice: Individuation, Reason, and Order Versus Deindividuation, Impulse, and Chaos. In: Arnold W. J., Levine D. (eds) *Nebraska Symposium on Motivation*. Lincoln: University of Nebraska Press; 237–307.

NEW TEXTS

Anna Mironova, Alexander Tatarko

Psychological Causes of Corruption: The Role of Worries

MIRONOVA, Anna — PhD in Sociology, Research Fellow, Institute for Social Policy, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: amironova@hse.ru

TATARKO, Alexander — Doctor of Sciences in Psychology, Chief Research Fellow, Center for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: atatarko@hse.ru

Abstract

This study is devoted to answering two questions: (1) Do individuals' worries and sufferings correlate with the acceptability of corruption from their perspectives? (2) Does this correlation differ by country in terms of corruption levels? We focus on analyzing the correlation between macro and micro worries, on one hand, and individual acceptability of corrupt behavior, on the other hand. This study is based on the data from the 6th-wave World Value Survey. We identified three groups of countries based on the corruption perception index: countries with low-level corruption (Australia, The Netherlands, New Zealand, Singapore, and Sweden), countries with medium-level corruption (Belarus, China, South Korea, Malaysia, and Romania), and countries with high-level corruption (Russia, Brazil, Colombia, Peru, and Thailand). For the purposes of our analysis, we used structural equation modeling. We have found that macro and micro worries are significantly correlated with the acceptability of corruption. Our analysis shows that the more the people worry about themselves or their families, the more they accept corruption. The people who worry about society are more likely to disapprove of corruption. However, the significance of these links varies, depending on the group of countries.

For the countries with low-level corruption, the correlation is significant only for the link between micro worries and the acceptability of corruption. The countries with high-level corruption show a significant correlation only for the link between macro worries and the acceptability of corruption. For countries with medium-level corruption and for Russia, the acceptability of corruption is significantly correlated with both micro and macro worries.

Keywords: acceptability of corruption; suffering; micro and macro worries; corruption perception index; cross-country analysis; World Values Survey.

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

References

- Ades A., Di Tella R. (1999) Rents, Competition, and Corruption. *American Economic Review*, vol. 89, no 4, pp. 982–993.
- Barr A., Serra D. (2010) Corruption and Culture: An Experimental Analysis. *Journal of Public Economics*, vol. 94, no 11–12, pp. 862–869.

- Bastian B., Jetten J., Fasoli F. (2011) Cleansing the Soul by Hurting the Flesh: The Guilt-Reducing Effect of Pain. *Psychological Science*, vol. 22, no 3, pp. 334–335.
- Bastian B., Jetten J., Hornsey M. J., Leknes S. (2014) The Positive Consequences of Pain: A Biopsychosocial Approach. *Personality and Social Psychology Review*, vol. 18, no 3, pp. 256–279.
- Boehnke K., Schwartz S., Stromberg C., Sagiv L. (1998) The Structure and Dynamics of Worry: Theory, Measurement, and Cross-National Replications. *Journal of Personality*, vol. 66, no 5, pp. 745–782.
- Bosco B. (2016) Old and New Factors Affecting Corruption in Europe: Evidence from Panel Data. *Economic Analysis and Policy*, vol. 51, pp. 66–85.
- Breggin P. R. (2014) *Guilt, Shame, and Anxiety: Understanding and Overcoming Negative Emotions*, New York: Prometheus Books.
- Brown T. A., Moras K., Zinbarg R. E., Barlow D. H. (1993) Diagnostic and Symptom Distinguishability of Generalized Anxiety Disorder and Obsessive-Compulsive Disorder. *Behavior Therapy*, vol. 24, no 2, pp. 227–240.
- Chapman C. R., Gavrin J. (1993) Suffering and Its Relationship to Pain. *Journal of Palliative Care*, vol. 9, no 2, pp. 5–13.
- Chapman C. R., Gavrin J. (1999) Suffering: The Contributions of Persistent Pain. *The Lancet*, vol. 353, no 9171, pp. 2233–2237.
- Chattopadhyay S. (2013) Corruption in Healthcare and Medicine: Why Should Physicians and Bioethicists Care and What Should They Do. *Indian Journal of Medical Ethics*, vol. 10, no 3, pp. 153–159.
- Davis J. H., Ruhe J. A. (2003) Perceptions of Country Corruption: Antecedents and Outcomes. *Journal of Business Ethics*, vol. 43, no 4, pp. 275–288.
- Det'e Zh. (2003) Korruptsiya v stranakh SNG-7 [Corruption in the CIS-7]. *World Bank*. Available at: <http://web.worldbank.org/archive/website00504/WEB/PDF/DETHIE-8.PDF> (accessed 20 June 2019) (in Russian).
- Doctor R. M., Goldenring J. M., Powell A. (1987) Adolescents' Attitudes about Nuclear War. *Psychological Reports*, vol. 60, no 2, pp. 599–614.
- Fisher R. (2012) Prikladnaya kross-kul'turnaya psikhologiya sotsial'nykh izmeneniy i razvitiya obshchestva: na primere issledovaniya blagopoluchiya i korruptsii [Applied Cross-Cultural Psychology of Social Change and Social Development: A Case Study of Well-Being and Corruption]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 9, no 2, pp. 23–42 (in Russian).
- Frejd Z. (2006) Isteriya i strakh [Hysteria and Fear]. *Collected Works*, 10 vols, vol. 6, Moscow: Firma STD (in Russian).
- Furnham A. (2003) Belief in a Just World: Research Progress over the Past Decade. *Personality and Individual Differences*, vol. 34, no 5, pp. 795–817.

- Gerring J., Thacker S. C. (2005) Do Neoliberal Policies Deter Political Corruption? *International Organization*, vol. 59, no 1, pp. 233–254.
- Graeff P., Mehlkop G. (2003) The Impact of Economic Freedom on Corruption: Different Patterns for Rich and Poor Countries. *European Journal of Political Economy*, vol. 19, no 3, pp. 605–620.
- Griffin M., Prior M. (1990) Young People and the Nuclear Threat. *Journal of Youth Studies*, vol. 7, no 2, pp. 40–43.
- Gupta S., Davoodi H., Alonso-Terme R. (2002) Does Corruption Affect Income Inequality and Poverty? *Economics of Governance*, vol. 3, no 1, pp. 23–45.
- Hamilton S. B., Lynch R. S., Naginey J. L., Peters K. A., Piske K. R. (1989) Relationships between the Life Values of US College Students and Their Cognitive/Affective Responses to the Threat of Nuclear War. *Journal of Adolescence*, vol. 12, no 1, pp. 55–68.
- Hasyanov O. R. (2009) Traditsiya prazdnovaniya musul'manskikh prazdnikov: vchera i segodnya (na materialakh sela Popovka) [The Tradition of Celebrating Muslim Holidays: Yesterday and Today (Based on Materials from the Village of Popovka)]. *Vestnik Ul'yanovskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii = Vestnik of Ulyanovsk state agricultural academy*, no 2 (9), pp. 102–104 (in Russian).
- Heyneman S. P. (2004) Education and Corruption. *International Journal of Educational Development*, vol. 24, no 6, pp. 637–648.
- Hickman S. E., Tilden V. P., Tolle S. W. (2004) Family Perceptions of Worry, Symptoms, and Suffering in the Dying. *Journal of Palliative Care*, vol. 20, no 1, pp. 20–27.
- Inbar Y., Pizarro D., Gilovich T., Ariely D. (2013) Moral Masochism: On the Connection Between Guilt and Self-Punishment. *Emotion*, vol. 13, no 1, pp. 14–18.
- Jong-Sung Y., Khagram S. (2005) A Comparative Study of Inequality and Corruption. *American Sociological Review*, vol. 70, no 1, pp. 136–157.
- Kahn D. L., Steeves R. H. (1986) The Experience of Suffering: Conceptual Clarification and Theoretical Definition. *Journal of Advanced Nursing*, vol. 11, no 6, pp. 623–631.
- Kihl L. A., Richardson T., Campisi C. (2008) Toward a Grounded Theory of Student-Athlete Suffering and Dealing with Academic Corruption. *Journal of Sport Management*, vol. 22, no 3, pp. 273–302.
- Klaveren J. van (1989) The Concept of Corruption. *Political Corruption: A Handbook* (eds. A. J. Heidenheimer, M. Johnston, V. T. LeVine), New Brunswick: Transaction Publishers, pp. 25–28.
- Kononov A. N. (2016) Phenomen trevogi o budushchem kak otdel'noe ponyatie v psikhologicheskoy nauke [The Phenomenon of Anxiety about the Future as a Separate Concept in Psychological Science]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva = Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev*, no 4 (38), pp. 173–179 (in Russian).
- Kouchaki M., Desai S. D. (2015) Anxious, Threatened, and Also Unethical: How Anxiety Makes Individuals Feel Threatened and Commit Unethical Acts. *Journal of Applied Psychology*, vol. 100, no 2, pp. 360–375.

- Kravtsova M., Oshchepkov A., Welzel C. (2017) Values and Corruption: Do Postmaterialists Justify Bribery? *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 48, no 2, pp. 225–242.
- Lambsdorff J. G. (2006a) Causes and Consequences of Corruption: What do We Know from a Cross-Section of Countries? *International Handbook on the Economics of Corruption* (ed. S. Rose-Ackerman), Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, Inc., pp. 3–51.
- Lambsdorff J. G. (2006b) Measuring Corruption: The Validity and Precision of Subjective Indicators (CPI). *Measuring Corruption* (eds. Ch. Sampford, A. Shacklock, C. Connors, F. Galtung), Hampshire, UK: Ashgate Publishing Ltd, pp. 81–100.
- Leknes S., Bastian B. (2014) The Benefits of Pain. *Review of Philosophy and Psychology*, vol. 5, no 1, pp. 57–70.
- Leont'ev D. A. (2003) Ekzistentsial'naya trevoga i kak s ney ne borot'sya [Existential Anxiety and How Not to Deal with It]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*, no 2, pp. 107–119. Available at: http://psylib.org.ua/books/_leond03.htm (accessed 10 December 2019) (in Russian).
- Lerner M. (1980) *The Belief in A Just World: A Fundamental Delusion*, New York, NY: Plenum.
- Liga M. B. (2015) Kachestvo zhizni i postmaterialisticheskie tsennosti [Quality of Life and Post-Materialistic Values]. *Polzunovskiy vestnik*, no 3, pp. 222–229 (in Russian).
- Mansilla H. (2003) The Traditional Mentality as an Obstacle to Democratization in Bolivia. *Psicología Política*, vol. 26, pp. 25–40.
- McParland J. L., Eccleston C. (2013) “It’s Not Fair”: Social Justice Appraisals in the Context of Chronic Pain. *Current Directions in Psychological Science*, vol. 22, no 6, pp. 484–489.
- Méon P. G., Sekkat K. 2005. Does Corruption Grease or Sand the Wheels of Growth? *Public Choice*, vol. 122, no 1–2, pp. 69–97.
- Milgram S. (1963) Behavioral Study of Obedience. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, vol. 67, no 4, pp. 371–378.
- Mocan N. (2008) What Determines Corruption? International Evidence from Microdata. *Economic Inquiry*, vol. 46, no 4, pp. 493–510.
- Molina S., Borkovec T. D. (1994) The Penn State Worry Questionnaire: Psychometric Properties and Associated Characteristics. *Worry: Perspectives on Theory, Assessment, and Treatment* (eds. G. C. L. Davey, F. Tallis), Chichester, UK: Wiley, pp. 265–283.
- Montinola G. R., Jackman R. W. (2002) Sources of Corruption: A Cross-Country Study. *British Journal of Political Science*, vol. 32, no 1, pp. 147–170.
- Morris S. D. (2011) Forms of Corruption. *DICE Report*, vol. 9, no 2, pp. 10–14.
- Nelissen R., Zeelenberg M. (2009) When Guilt Evokes Self-Punishment: Evidence for the Existence of a Dobby Effect. *Emotion*, vol. 9, no 1, pp. 118–122.

- O protivodeystvii korruptsii. Federal'nyy zakon* [Federal Anti-Corruption Law] (2008). № 273-FZ. 25 December. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (accessed 1 December 2020) (in Russian).
- Park H. (2003) Determinants of Corruption: A Cross-National Analysis. *Multinational Business Review*, vol. 11, no 2, pp. 29–48.
- Poon K.-T., Chen Z., De Wall C. N. (2013) Feeling Entitled to More: Ostracism Increases Dishonest Behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 39, no 9, pp. 1227–1239.
- Rossiia v Indekse vospriyatiya korruptsii — 2019: 28 ballov i 137 mesto [Russia in the Corruption Perception Index 2019: 28 Points and 137th Place]. *Transparency International*. Available at: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2019-28-ballov-i-137-mesto.html> (accessed 2 December 2020) (in Russian).
- Sabirov V. Sh. (2001) Problema dobra i zla v khristianskoy etike [The Problem of Good and Evil in Christian Ethics]. *Chelovek*, no 5, pp. 125–135 (in Russian).
- Stark P. L., McGovern J. P. (1992) The Meaning of Suffering. *The Hidden Dimension of Illness: Human Suffering* (eds. P. L. Stark, J. P. McGovern), New York: National League for Nursing Press, pp. 25–42.
- Sullivan M. J. L., Scott W., Trost Z. (2012) Perceived Injustice: A Risk Factor for Problematic Pain Outcomes. *Clinical Journal of Pain*, vol. 28, no 6, pp. 484–488.
- Sung H. E., Chu D. (2003) Does Participation in the Global Economy Reduce Political Corruption? An Empirical Inquiry. *International Journal of Comparative Criminology*, vol. 3, no 2, pp. 94–118.
- Svensson J. (2005) Eight Questions about Corruption. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 19, no 3, pp. 19–42.
- Tallis F., Davey G. C. L., Bond A. (1994) The Worry Domains Questionnaire. *Worry: Perspectives on theory, assessment, and treatment* (eds. G. C. L. Davey, F. Tallis), Chichester, UK: Wiley, pp. 285–297.
- Tatarko A. N., Mironova A. A., Gari A., van de Vijver F. J. (2020) The Relationship Between Human Values and Acceptability of Corruption in Russia and Greece. *Psychology in Russia. State of the Art*, vol. 13, no 3, pp. 79–95.
- Tereshonok T. A. (2016) Korruptsiya v sphere zdavookhraneniya [Corruption in the Health Sector]. *Plekhanovskiy barometr*, no 4, pp. 21–24 (in Russian).
- Torgler B., Valev N. (2010) Gender and Public Attitude toward Corruption and Tax Evasion. *Contemporary Economic Policy*, vol. 28, no 4, pp. 554–568.
- Torgler B., Valev N. T. (2006) Corruption and Age. *Journal of Bioeconomics*, vol. 8, no 2, pp. 133–145.
- Treisman D. (2000) The Causes of Corruption: A Cross-National Study. *Journal of Public Economics*, vol. 76, no 3, pp. 399–457.
- Welzel C., Inglehart R., Klingemann H. (2003) The Theory of Human Development: A Crosscultural Analysis. *European Journal of Political Research*, vol. 42, no 3, pp. 341–379.

Zahra S. A., Priem R. L., Rasheed A. A. (2005) The Antecedents and Consequences of Top Management Fraud. *Journal of Management*, vol. 31, no 6, pp. 803–828.

Zhigun L. A. (2019) Sotsiologicheskii analiz korrupsii [Sociological Analysis of Corruption]. *Sovremennye podkhody k protivodeystviyu korrupsii: trendy i perspektivy*. [Modern Approaches to Combating Corruption: Trends and Prospects], Moscow: Tret'yakov Publishing House, pp. 123–127 (in Russian).

Zhuravlev A. L., Yurevich A. V. (2012) Korrupsiya v sovremennoy Rossii: psikhologicheskii aspekt [Corruption in Contemporary Russia: the psychological aspect]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, no 2, pp. 56–65 (in Russian).

Zimbardo P. G. (1969) The Human Choice: Individuation, Reason, and Order Versus Deindividuation, Impulse, and Chaos. *Nebraska Symposium on Motivation* (eds. W. J. Arnold, D. Levine), Lincoln: University of Nebraska Press, pp. 237–307.

Received: February 7, 2020

Citation: Mironova A., Tatarko A. (2021) Psikhologicheskie prichiny korrupsii: rol' trevogi [Psychological Causes of Corruption: The Role of Worries]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 1, pp. 11–34. doi: [10.17323/1726-3247-2021-1-11-34](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-1-11-34) (in Russian).